

УДК 244+82-1/9

А. П. Буценко

ЗНАЧЕНИЕ ПОСМЕРТНЫХ ЧУДЕС ДЛЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Аннотация: Статья посвящена посмертным чудесам русских святых на примере Четых Миней иеромонаха Германа (Тулупова); середина 50-х годов XVI века – 1636/1637 гг.). Автор доказывает, что посмертные чудеса святых и их языковые особенности мало изучаются современными исследователями, при этом поиск характерных для посмертных чудес черт и лексических особенностей, отличающихся от житий святых, чрезвычайно важен. В статье рассматривается светский и христианский взгляд на феномен чуда, даётся оценка посмертным чудесам, доказывается исключительная важность таковых чудес для определения святости человека. В заключении делается вывод об особой жанровой миссии посмертных чудес для житий святых и всей древнерусской литературы в целом.

Ключевые слова: *агиография, посмертные чудеса, Четьи-Минеи, иеромонах Герман (Тулупов), автор, текст, особенность, чудо.*

Сведения об авторе: Буценко Аркадий Павлович, магистрант кафедры древних и новых языков Сретенской духовной академии (Россия, Москва). E-mail: arkadybutsenko@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4707-400X>.

Научный руководитель: Маршева Лариса Ивановна, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой древних и новых языков Сретенской духовной академии (Россия, Москва). E-mail: haufen@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2707-2154>.

Цитирование: Буценко А. П. Значение посмертных чудес для древнерусской агиографии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2025. Вып. 3 (36). С. 27–42.

Поступила в редакцию: 14.11.2024. Принята к публикации: 06.06.20205.

Введение. Древнерусская агиография является богатейшим источником информации о жизни, подвигах и чудесах многих русских святых. Жития святых в первую очередь нацелены на прославление Бога и святых, а также помогают читателю приблизиться к духовному миру и уверовать в него. С другой стороны, древнерусская агиография иногда выступает как исторический материал, который передаёт множество конкретных сведений о культуре, политике и религиозности русского народа.

Исследование агиографии в целом знакомит с богатством церковнославянского языка и культурным наследием родной страны. Знания об особенностях чудес русских святых являются полезным подспорьем в деле пастырского душепопечения. Изучение церковнославянского языка, на котором составлены эти тексты, служит развитию гимнографии и большему прославлению святых. **Актуальность** вопроса о посмертных

чудесах святых весьма велика. Исследование агиографии напрямую связано с пастырской деятельностью, так как открывает новые стороны повествований о чудесах святых, что может быть напрямую использовано для церковной проповеди.

Научная проблема обусловлена непониманием со стороны подавляющей части общества самого факта случающихся чудес, то есть непониманием причины их совершения, природы и личности самого совершителя. Это происходит ввиду сложности осознания продолжающегося действия святых даже после их телесной смерти. Проблема усиливается попыткой рационального объяснения любого события, противоречащего законам природы, а также отрицанием или игнорированием главного богословского компонента: сверхъестественной Божественной природы чуда.

Целью статьи является определение конкретного значения чудес, совершённых святыми людьми после их смерти, и места чудес в житийных списках. Необходимо установить, описание какого рода чудес чаще всего встречается в житиях святых: прижизненных или посмертных, и почему это происходит. Исследование основано на комплексном применении историко-литературного, сравнительно-сопоставительного, герменевтического и текстологического **методов анализа**.

Теоретическая значимость. Исследование вносит новые сведения в систему древнерусской литературы, в первую очередь, выражая специфику текстов, состоящих только из описания чудес. Теологический и филологический подходы позволяют выразить основные идеи, заложенные автором в повествование о чуде в отрыве от жития самого святого.

Практическая значимость. Данные материалы могут быть использованы в учебных богословских и филологических курсах в рамках высшего образования, в миссионерской и пастырской деятельности, а также при издании житий святых и комментариев к ним.

История вопроса. А. А. Медведев затрагивает тему посмертных чудес, исследуя изображение посмертных чудес в святительских житиях на материале житий митрополитов Петра, Алексия, Ионы; священник А. Рыженков вскрывает проблему посмертных чудес святых в историческом, литературном и богословском аспектах на материале русской агиографии XVII века; П. Д. Садыков касается темы посмертных чудес в древнерусских богородичных сказаниях, изучая их сквозь призму духовного содержания; И. В. Стародумов исследует жанровую специфику повествований

о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии; В. В. Смирнова изучает посмертные чудеса через видения и обосновывает чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров¹.

Для оценки проблематики рассмотрим обозначение жанра чуда и его места в агиографии. Е. М. Абышева в процессе изучения концепта «чудо» проверила гипотезу концептуальной инверсии на материале англоязычных ирландских и русскоязычных поговорок и пословиц. В качестве лингвистических единиц анализа фигурировали лексемы, маркированные в плане выражения в них концепта «чудо». Наиболее важным представляется главная цель её работы – выявление лингвистических особенностей концепта «чудо» в текстах русского и ирландского фольклора. Е. М. Абышева утверждает, что «семантика концепта „чудо“ в русском и английском языках совпадают и выражают чудо как Божественное деяние»². Данный аспект указывает на то, что чудо воспринималось в таком ключе не только славянскими, но и другими неправославными народами. Опираясь на исследование Е. М. Абышевой, в настоящем исследовании мы рассматриваем древнерусские жития и чудеса святых, что вносит в понятие *чуда* религиозный характер и определяет иное восприятие концепта «чуда» как такового.

Е. М. Абышева использует понятие мифопоэтической модели мира, показывая, что уже с древних времён развивалась теория двухкомпонентного деления, по которой окружающий мир и повседневная жизнь людей выражались внешним восприятием, а все явления природы делились на доброе и злое. Славянская мифопоэтическая модель мира определяет некоторые противопоставления: «верх – низ, небо – земля,

¹Медведев А. А. Изображение посмертных чудес в святительских житиях (на материале житий митрополитов Петра, Алексия, Ионы) // Вестник славянских культур. 2014. С. 151–157; Рыженков А., свящ. Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты (по материалам русской агиографии XVII века) : дис. ... канд. богословия. М. : ОЦАД, 2022. 187 с.; Садыков П. Д. Чудо в древнерусских богородичных сказаниях сквозь призму их духовного содержания // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 255–262; Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск : ОмГУ, 2009. 20 с.; Смирнова В. В. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров (житие, пример, видение) : дис. ... канд. филол. наук. М. : (МГУ), 2006. 254 с.

²Абышева Е. М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок, сказок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук; Тюменский государственный университет. Тюмень, 2008. 21 с.

свет – тьма, день – ночь, счастье – несчастье, добро – зло, жизнь – смерть, живая вода – мёртвая вода» и т. д.³

Т. Гоббс в произведении «Левиафан», говоря о христианском государстве, обозначает несколько категорий чудес. К первой он относит то, что странно, что никогда или совсем редко могло бы произойти; ко второй – то, относительно чего нельзя помыслить, чтобы нечто было осуществлено естественным путём, то есть что оно, скорее всего, произведено только Самим Богом. Далее Т. Гоббс называет явный признак любого чуда: «Оно совершается с целью вызвать доверие вестникам, служителям и пророкам Бога, дабы люди знали, что эти вестники призваны и назначены Богом»⁴.

А. Я. Гуревич обращается к фольклорным особенностям средневековой народной литературы и отмечает, что «...элементам проповеди всегда придавалось особое значение как чему-то наиболее доходчивому. Такие проповеди строились не на чём-то отвлечённом, но при демонстрации чего-то казусного, каких-либо случаев из жизни, чудесных происшествий, которые были призваны вызвать ужас и удивление у слушателей»⁵. А. Я. Гуревич отмечает отличие жанра чуда от жанра сказки: авторы волшебных сказок не стремятся сделать их правдоподобными и убедить читателя в истинности всех описанных событий, «...чудо же, то есть хронотоп так называемого примера, по своей необычности претендует на то, чтобы читатель мог в это поверить, несмотря даже на абсурдность описываемого»⁶.

Однако все вышеупомянутые определения чуда далеки от его церковного и богословского понимания. Они отражают светский взгляд на явление чуда, не уделяя внимания духовному осмыслению такового. Необходимо установить, чем чудо является в христианской традиции. Знаменитый филолог и богослов И. М. Андреев определяет чудо как «... явление, которое не только необъяснимо в настоящее время, но и вообще

³Абышева Е. М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо»...

⁴Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Мысль, 2001. С. 296–298.

⁵Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М. : Искусство, 1989. С. 7.

⁶Там же. С. 24.

никогда не может быть объяснимо только с научной точки зрения»⁷. Определение чуда связывается с научным взглядом на мир, поскольку многие учёные продолжают утверждать, что все явления природы и события, происходящие в мире, могут быть объяснены только законами природы «без всякой помощи со стороны Бога и чуда»⁸. В таком случае все свидетельства о чудесах становятся лишь игрой воображения людей или тем, что наука ещё не в силе объяснить, но, по мнению учёных, сможет объяснить в будущем. В ответ оппонентам И. М. Андреев приводит справедливый аргумент: «Одними законами природы нельзя объяснить по крайней мере двух обстоятельств: 1) самого существования мира или природы и 2) самих законов природы»⁹. Таким образом, даже само по себе существование жизни и вселенной уже является чудом.

Для поиска новых аспектов посмертных чудес в агиографии обратимся к Четым Минеям иеромонаха Германа (Тулупова). Их изучение показывает: книжник, как и с житиями новопрославленных на тот момент русских святых, не стремился записывать уже имеющиеся славянские переводы мучения св. Димитрия Солунского, но фиксировал более редкие тексты, связанные с посмертными чудесами святого. Значительная часть сведений о святом, его явлений и обращения к людям зафиксирована в текстах, посвящённых его посмертным чудесам. Подобный феномен встречается достаточно редко, чаще всего такой процесс происходил с житиями древних святых, кем и является Димитрий Солунский. Данное обстоятельство объясняется так: многие святые, особенно мученики, творили чудеса только накануне их страдания за веру во Христа. Многие мученики умирали в раннем возрасте, вследствие чего описание посмертных чудес занимает подавляющую часть повествований, поскольку эти явления происходили на протяжении долгих промежутков времени и накапливались в большом объёме¹⁰.

Примечателен и тот факт, что иеромонах Герман (Тулупов) переписывал тексты чудес и похвальные слова из Великих Четых Миней свт. Макария, но всё же не давал самого изложения жития и мучения

⁷ Андреев И. М. Православно-христианская апологетика. Джорданвилль : Типография прп. Иова Почаевского, 1965. С. 24.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ РГБ. Ф. 304/1 № 668. Л. 248–253 об.

вмч. Димитрия Солунского, поскольку, по-видимому, он делал другой акцент при составлении своих списков, а также обращал внимание на специфику посмертных чудес святого и дальнейшего развития преданий византийскими авторами.

Иеромонах Герман (Тулупов) в своей Четье Минее за октябрь, датируемой 1629 годом, поместил не житие великомученика Димитрия Солунского, а описания его посмертных чудес очевидцами и похвальные слова святому. Раздел от 26 октября начинается с представления чуда св. Димитрия Солунского о том, как слуга его видел пришедшего к нему ангела. Описание этого чуда начинается со слов: «*Прише̑шимъ погѣнымъ на солѣньскѣмъ грѣ, ѿ бранѣ сотвориша со грѣшныи*». Далее следует чудо св. Димитрия Солунского об исцелении Леонтия епарха: «*Леѡнтѣ нѣкоторымъ мѣжъ славыи ѿлѣрыи*». Следом идёт чудо св. Димитрия Солунского о двух девицах. Первые слова этого отрывка таковы: «*Поповѣиѣиѣмъ бѣѣ на хрѣтіи за грѣхѣи ѿшла*». Далее описано чудо св. Димитрия Солунского о царе Калояне: «*Неподобно же ѿ семѣ в забѣни положенѣ быти*». После со слов: «*Имѣаше оубо мѣнково лице, и тѣло ѣго по землѣ повѣржено бѣша*» излагаются Чудеса св. Димитрия Солунского, озаглавленные «*От изложения чудесъ святаго мѣченика Димитриа*». И в завершение следует повесть о Церкви св. Димитрия: «*В оградѣ селѣнѣ црковь стѣи великии хѣз мѣнкъ димѣтрие*». В самом конце обозначены похвальные слова митрополита Климента Охридского, Григория Цамблака, Иоанна, архиепископа Солунского¹¹.

Из языковых особенностей посмертного чуда вмч. Димитрия Солунского выделим замечательный эпизод со спасением двух девиц из заточения путём чудесного перемещения в церковь св. Димитрия. В Фессалониках были две девицы, которые, как отмечает автор, были обучены «*палечномѣ дѣлѣ*», или, иначе, швейному мастерству. Они были захвачены неприятелями, которые намеревались использовать их таланты для своих корыстных целей. В рукописи иеромонаха Германа (Тулупова) следующим образом описан разговор девиц с иноплемennыми

¹¹ Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодьевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб. : Алетейя, 2000. С. 18. См. также: П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л. : Издательство академии наук СССР, 1930. С 10; Accademia Ambrosiana. Classe di Slavistica San clemente di ocri-da: allievo e maestro. Nell'undicesimo centenario del beato transito (916–2016) Milano: Biblioteca Ambrosiana, 2017. С. 125.

захватчиками: «Приведѣ же воевода дѣцы тѣ в зѣмлю свою и вѣдѣ, ꙗко хитри естъ и гла има: слышу, ꙗко великъ естъ бѣхъ бѣшъ димитрій и многа творитъ чудеса. нашинта ми на плащаницы образъ его, да и ѿзъ поклоняюся емъ и, предъ полкомъ носѣ побѣжю врагы»¹². Неприятель просит девиц по доброму сшить плащаницы с образом свт. Димитрия, причём в его представлении Димитрий это бог, о чём непосредственно говорит рукопись. Сразу видно, что захватчики не понаслышке знали о свт. Димитрии как о заступнике города Солуни, который часто чудесным образом избавляет город и его верующих жителей от разорения или гибели. Приведённый пример говорит о языческих зачатках этих захватчиков, которые не могли представить, что свт. Димитрий это в первую очередь человек, который жил, умер мученически за христианскую веру и даже после смерти продолжает творить чудеса. В представлении иноплеменников такое может творить только божество, поэтому в славянской рукописи чётко переведено словосочетание, в котором воевода по ошибке называет свт. Димитрия богом. Современная редакция Великих Четых Миней свт. Макария чуть более уточняет данный фрагмент, там написано: «слышу, ꙗко великъ естъ бѣхъ бѣшъ димитрій в зѣмлѣхъ бѣше»¹³.

Благочестивые девицы не хотели шить эти плащаницы, так как замечательно понимали, что захватчики попытаются использовать образ свт. Димитрия в корыстных целях и даже не подумают об обращении в христианскую веру. Девицы так и говорили: «господине не дерзѣебѣ сего сотвориши ꙗко поругатиа емъ хощешъ ѿбразъ еѣго»¹⁴. Воевода уверял их, что хочет иметь образы в честь святого, но девицы были благоразумны и не поверили этой лжи. За отказ воевода повелел заточить их в темницу и всё же принудил начать работу. Девицы стали шить образ святого Димитрия из страха сарацинского воеводы и плакали над тканями, прося не за себя, но чтобы не были поруганы эти образы великомученика. В тот день был праздник самого вмч. Димитрия. За такое их смирение и чистоту сердца, когда девицы уснули над нашитыми образами, Димитрий чудесным образом перенёс девиц из этой тюрьмы в город Солунь и поставил перед ракой со своими мощами. Удивителен и тот факт, что чудо было совершено

¹²РГБ. Ф. 304/1. № 668. Л. 248–253 об.

¹³Великия Миней Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Выпуск 6. Дни 19–31. М.: Императорская Археографическая комиссия, 1880. С. 1898.

¹⁴РГБ. Ф. 304/1. № 668. Л. 254.

не только для спасения этих девиц, но опять же, чтобы образ святого не был поруган (иглы и неоконченная работа были перенесены вместе с девицами.), то есть использован с корыстным намерением, а также и для того, чтобы исцелить многих больных и прокажённых, которые видели это чудесное явление в самом храме в Солуни, как это и описывает автор чуда: «И вѣдѣша на ѡбѣренѣ чѣдо бывшее проглаголюша бѣга, и сѣго мѣйка димѣтріа, и мнози ѿ образа того ищѣхуша – бѣснѣи и хроми и прокаженни»¹⁵. Данный аспект указывает на ещё одну черту, характерную для описания чуда, которая является неким доказательством того, что чудо физического переноса девиц совершено именно вмч. Димитрием, который затем продолжает совершать чудо уже от своих мощей.

Вопрос о чуде как особом жанре до недавних пор в науке почти не затрагивался. Житие древнего византийского святого вмч. Димитрия описывает ту же проблематику, что и жития древнерусских святых. По мнению И. В. Стародумова, русские житийные тексты наполнены повествованиями о посмертных чудесах в большей степени, нежели византийские, и даже могут превышать биографическую часть. Однако посмертные чудеса вмч. Димитрия становятся исключением в этом вопросе, поскольку похожая схема прослеживается и в корпусе его жития и чудес в Четьих Минеях. Исследователь дополняет: «Жития в рукописях постоянно дополнялись новыми чудесами, которые впоследствии воспринимались как составная часть данного произведения, изначально ему присущая»¹⁶. То есть данные тексты всегда были подвижными и могли с самого начала задумываться как некий фундамент, на котором будет строиться полнота свидетельств о чудесах с обилием описаний.

Вполне вероятно, что возникающие со временем тексты о посмертных чудесах святых могли не только дописывать в древние греческие рукописи, но и вставлять в уже существующие древнерусские списки, при условии, что подобные тексты были обнаружены исследователями и их посчитали необходимым добавить в корпус рукописей.

Примечательным становится факт, полученный при анализе житий древних мучеников, которые рано отдавали свою жизнь за Христа, и в таком случае они совершали чудеса только после смерти, являясь

¹⁵РГБ. Ф. 304/1. № 668. Л. 254.

¹⁶Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах... С. 6; Смирнова В. В. Чудо как жанрообразующий элемент... С. 23.

людям или грозно поражая врагов Церкви. В таком случае многие преподобные, святители и пустынники совершали чудеса как при жизни, так и по смерти, а молодые юноши и девы из мучеников могли совершить только посмертные, что однозначно выявляет доминирующее количество посмертных чудес святых во всём агиографическом корпусе, указывая на то, что у святых после кончины нет никаких ограничений со стороны гонителей или иных обстоятельств для совершения чуда.

Хорошим примером уже прижизненного чуда является фрагмент из жития прп. Феодосия Печерского. На его монастырь много раз нападали разбойники и пытались ограбить, но св. Феодосий был твёрдо уверен в воле Божией и знал, что ничего не произойдёт с монахами и имуществом монастыря. Господь каждый раз посылал разные чудеса по молитвам преподобного. Это было назидательно для самих монахов, поскольку согревало их веру, но также и для разбойников, поскольку уберегало их от преступления.

Ввиду этого автор жития особым образом выделяет причину совершающегося чуда: «Преподобный Феодосий твёрдо надеялся, что Сам Господь сохранит от грабителей всё, что нужно братии. Что упование это было не напрасно, это подтвердилось следующим чудом». То есть, с одной стороны, чудо произошло не без сильной молитвы, с другой же стороны, и для укрепления веры монахов, чтобы «упование было не напрасно»¹⁷.

Аналогичные места можно обнаружить в Макарьевских списках более ранних житий. Например, житие епископа Игнатия Ростовского имеет в себе большое количество чудес. Его житие является древнейшим памятником ростовской письменности. Автор жития отводит специальное место чудесам, отделяя их описание от основного текста жития: «О сих же чудесах святителя инде скажем»¹⁸.

В. О. Ключевский отметил оригинальную деталь, которая сближает повествование о чудесах епископа Игнатия и вмч. Димитрия Солунского. Чудеса этих двух святых происходили преимущественно после их смерти: «Действительно, существующее житие Игнатия преимущественно наполнено описанием чудес, происшедших при погребении епископа»¹⁹.

¹⁷Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского : в 12 т. Т. 9. М. : Ковчег, 2010. С. 133.

¹⁸Ключевский В. О. Православие в России. М. : Мысль, 2000. С. 29.

¹⁹Там же.

Девять представленных в Четье Минее Германа (Тулупова) текстов повествуют о чудесах Димитрия Солунского, которые происходили уже от его мощей, или чудесах, когда святой являлся во сне некоторым людям.

В агиографических текстах феномен чуда означает свидетельство Церкви о святости упокоившегося святителя или преподобного. То есть чудо, совершённое по молитвам верующего при его жизни, ещё не гарантирует его спасения после смерти, поскольку даже по совершении чудес Божией благодатью человек может пасть, совершить грехи к смерти, но чудо, происходящее от мощей почившего, не оставляет сомнений в святости и величии этого человека, который даже после смерти не покидает свою паству и всех обращающихся к нему.

В рукописях XVII века можно также проследить наличие посмертных чудес святых: «В древнерусских житиях повествования о посмертных чудесах могут иногда превосходить по размеру основной текст, отражающий жизнь, подвиги и прижизненные чудеса героя агиографического памятника». На самом деле подобный феномен можно видеть в житиях святых разных времён. Этот факт опровергает мысль о том, что посмертные чудеса святых можно встретить в основном в древних житиях. Вследствие этого учёные обозначают некоторые аспекты: «Скрытность авторского почерка и нестабильность текста, свойственные древнерусской литературе». Опираясь на рукописную традицию, можно утверждать: «Жития могли пополняться текстами с новыми чудесами». Следующий же переписчик мог воспринять текст жития как изначальный: «Особенно это касается тех случаев, когда в описании чуда отсутствовало указание на время его совершения»²⁰.

Отдельным аспектом в древнерусской агиографии является описание чудес в богородичных сказаниях, главным предметом повествования которых выступают таинственные события и явления разных икон Божией Матери²¹.

Иеромонах Герман (Тулупов) переписывает многие тексты, посвящённые образам Богоматери. Священник К. Прихотько проводит обширный исторический анализ относительно времени прославления тех или иных святых и приходит к выводу, что прославление многих

²⁰ Рыженков А., свящ. Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты... С. 82.

²¹ Садыков П. Д. Чудо в древнерусских богородичных сказаниях... С. 257.

происходило на Макарьевском Соборе 1549 года и позднее²². Примечательна заметка о времени появления повестей, посвящённых чудесам и явлениям икон Богородицы. Так, например: «Повесть о чуде иконы Благовещения», связанная с житием Прокопия Устюжского – второй половины XVI века; а также сказание о Выдропусской иконе, которое могло быть написано во второй половине XVI столетия²³.

Показателен сюжет о похищении Выдропусской иконы Божией Матери одним воином, служившим при царе Иване III, когда тот осуществлял поход на Новгород. Этот воин украл икону в храме села Выдропуска и присвоил её себе как трофей, после чего поместил её в своём храме по возвращении домой. В своих владениях он дерзнул сказать об иконе как пленнице, после чего произошло чудо: икона таинственным образом исчезла. После этого последовало раскаяние воина, он вернулся в Выдропуск для сугубого покаяния.

Произошедшее таинственное событие можно расценить как чудо Божией Матери о физическом исчезновении иконы, а также как чудо внутренней перемены мысли воина, то есть его покаяния, что уже является несомненным чудом с точки зрения православного богословия²⁴.

Таким образом, чудеса, связанные с иконами Божией Матери, отчасти можно отнести к посмертным чудесам по понятным причинам, а также потому, что субъектом совершаемых чудес становится не какой-либо святой, ещё живущий на Земле, а Божия Матерь, Которая пребывает в Царствии Божием, но промыслительно действует на людей через Свои святыни.

Исследователь И. Серман даёт оценку понятию чуда и его роли в представлениях XVII–XVIII вв.: «Чудо является категорией национального русского сознания, постоянное присутствие которой не нужно дополнительно аргументировать». Выделяется именно этот исторический

²² Прихотько К., свящ. Сравнительный анализ состава успенского и царского списков июльской части Великих Миней-Четьих святителя Макария и июльской Четьи-Миней иеромонаха Германа Тулупова // Научный журнал Московской духовной академии. Слово и образ. 2019. Т. 1. №. 1. С. 89; См. также Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 101.

²³ Там же. См. также: Шевченко Э. В., Зайцева Д. А. Выдропуская Одигитрия, икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 10. С. 66–67.

²⁴ Садыков П. Д. Чудо в древнерусских богородичных сказаниях... С. 259–260.

интервал, когда чудо как жанр играло особую роль: «было аргументом в социальной и религиозной борьбе»²⁵.

Е. К. Ромодановская освещает другой аспект, связанный с чудом. Она даёт описание документам сибирских крестьян: «Дела эти могут представлять краткую отписку вышестоящему начальству о случившемся событии или же детальное следствие, проведённое духовной консисторией»²⁶. Суть замечания состоит в том, что крестьянам видения являлись чем-то неизведанным и таинственным, вследствие чего автор не задаётся вопросом о конкретных проблемах, вызвавших их. Е. К. Ромодановская не касается вопроса действительности видения и восприятия сибирских крестьян, поскольку данные источники не являются историческими. Она рассматривает чудо только с литературоведческой точки зрения: «В центре моего внимания – только собственный рассказ очевидца, точнее, те детали, которые имеют значение для прояснения литературных проблем, в том числе жанровых»²⁷.

Исходя из этого, научный интерес исследователя заключается в рассмотрении чуда не как феномена или доказательства бытия Бога, но как отдельной составляющей жанра древнерусских произведений, где чудо всегда имело место и его описание часто приобретало характерные, неповторимые языковые особенности.

Заключение. Значение посмертных чудес для древнерусской агиографии является определяющим фактором святости, праведности чудотворцев, о которых ведётся повествование. В свою очередь авторы агиографических текстов стремились защитить память этих святых, доказав через характер их действий, что источником их чудес является Сам Бог, а не что-либо постороннее. Внимание именно на посмертных чудесах особенно важно, поскольку такого рода чудеса встречаются в большей части житийных текстов не только русских святых, но и византийских, о чём ярко свидетельствуют посмертные чудеса вмч. Димитрия Солунского.

Описание чудес в житийных списках занимает зачастую первое место, особенно если свидетельств чудес накопилось особенно много. О первейшем месте чудес в этих произведениях может свидетельствовать

²⁵Серман И. Чудо и его место в исторических преданиях XVII–XVIII веков // Русская литература. 1995. № 2. С. 104.

²⁶Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 49. СПб. : Алетей. 1996. С. 141.

²⁷Там же. С. 143.

и процентное соотношение текстов, в котором чудеса будут занимать больший объём, поскольку даже на эмоциональном восприятии такого рода повествование вызывает больший интерес читателей и имеет большую назидательную функцию. Писец Герман Тулупов в свою очередь демонстрировал специальный отбор текстов чудес в своих Четьях Минеях.

Описания посмертных чудес всегда носят особый сакральный характер и привлекают внимание верующего народа, что побуждает многих авторов с большими уточнениями и художественными украшениями описывать такие явления.

Посмертные чудеса святых встречаются в рукописях намного чаще, чем прижизненные, во-первых, по причине численного превосходства таковых, поскольку некоторые святые из-за своего отшельнического образа жизни не были у всех на виду и при жизни могли вообще не творить чудес; во-вторых, потому что свидетельства писцов о посмертных чудесах имело пастырский характер, который подчёркивал реальность действия Божия Промысла в жизни, а также важность почитания мощей святых.

Чудо является неотъемлемой частью не только житий святых, но и народных преданий. Важно и выяснение причинно-следственной связи чудес, которая поясняет причину происходящего чуда и объясняет его с точки зрения промысла Божьего, а также природы чуда, то есть его содержания связи с совершителем обстоятельств самого качества происходящего действия, эмоционального влияния на свидетелей, назидательность и многое другое. В особенности такие элементы связаны с трудностями, когда говорится о посмертных чудесах святых или чудесах, описания которых сохранились в малом объёме.

Помимо всего перечисленного, употребление термина «посмертное чудо» в древних славянских текстах помогает определить его разнородные особенности, которые дают понять, как Церковь в разные времена относилась к такому явлению. Выявление и анализ таковых семантических особенностей является перспективой последующих исследований, что даст представление о мышлении отдельных писцов как представителей своего времени.

Источники

1. Великия Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Выпуск 6. Дни 19–31. М. : Императорская Археографическая комиссия, 1880. С. 1898.
2. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского : в 12 т. Т. 9. М. : Ковчег, 2010. 784 с.
3. Российская государственная библиотека (РГБ) Ф. 304/1 № 668. Л. 248–290 об. Четья минея за октябрь. Тексты посмертных чудес вмч. Димитрия Солунского.

Литература

4. Абышева Е. М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок, сказок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук; Тюменский государственный университет. Тюмень, 2008. 21 с.
5. Андреев И. М. Православно-христианская апологетика. Джорданвилль : Типография прп. Иова Почаевского, 1965. 93 с.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. А. Гутермана. М. : Мысль, 2001. 478 с.
7. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М. : Искусство, 1989. 366 с.
8. Ключевский В. О. Православие в России. М. : Мысль, 2000. 621 с.
9. Медведев А. А. Изображение посмертных чудес в святительских житиях (на материале житий митрополитов Петра, Алексия, Ионы) // Вестник славянских культур. 2014. С. 151–157.
10. Прихотько К., свящ. Сравнительный анализ состава успенского и царского списков июльской части Великих Миней-Четьих святителя Макария и июльской Четьи-Минеи иеромонаха Германа Тулупова // Научный журнал Московской духовной академии. Слово и образ. 2019. Т. 1. №. 1. С. 86–96.
11. Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 49. СПб. : Алетей. 1996. С. 141–156.
12. Рыженков А., свящ. Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты (по материалам русской агиографии XVII века) : дис. ... канд. богословия; ОЦАД. М., 2022. 187 с.
13. Садыков П. Д. Чудо в древнерусских богородичных сказаниях сквозь призму их духовного содержания // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 255–262.
14. Смирнова В. В. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров (житие, пример, видение) : дис. ... канд. филол. наук. М. : (МГУ), 2006. 254 с.
15. Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук; ОмГУ. Омск, 2009. 20 с.
16. Серман И. Чудо и его место в исторических преданиях XVII–XVIII веков // Русская литература. 1995. № 2. С. 104–119.
17. Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодьевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб. : Алетей, 2000. 310 с.

SIGNIFICANCE OF POSTHUMOUS MIRACLES FOR ANCIENT RUSSIAN HAGIOGRAPHY

Abstract: The article is devoted to posthumous miracles of Russian saints using the example of the Menology of hieromonk Herman ((Tulupov); mid-1550s – 1636/1637). The author proves that posthumous miracles of saints and their linguistic features are little studied by modern researchers, while the search for features and lexical features characteristic of posthumous miracles that differ from the lives of saints is extremely important. The article examines the secular and Christian views on the phenomenon of miracles, evaluates posthumous miracles, and proves the exceptional importance of such miracles for determining a person's holiness. By way of conclusion the author sees the special genre mission of posthumous miracles for the lives of saints and all of Old Russian literature as a whole.

Key words: hagiography, posthumous miracles, the Menology, hieromonk Herman (Tulupov), author, text, feature, miracle.

About the author: Butsenko Arkady Pavlovich, postgraduate student of the Department of Ancient and Modern Languages, Sretensky Theological Academy (Russia, Moscow).

Sources

1. Velikija Minei Chetii, sobrannye Vserossijskim mitropolitom Makariem. Oktjabr'. Vypusk 6. Dni 19–31. M. : Imperatorskaja Arheograficheskaja kommissija, 1880. S. 1898. *In Church Slavonic*.
2. Zhitija svjatyh na russkom jazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej svjatogo Dimitrija Rostovskogo : v 12 t. T. 9. M. : Kovcheg, 2010. 784 s. *In Russian*.
3. Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka (RGB) F. 304/I № 668. L. 248–290 ob. Chet'ja mineja za oktjabr'. Teksty posmertnyh chudes vmch. Dimitrija Solunskogo. *In Church Slavonic*.

Literature

4. Abyшева E. M. Konceptual'nye inversii: koncept «chudo» (na materiale russkih i irlandskih poslovic, pogovorok, skazok) : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk; Tjumenskij gosudarstvennyj universitet. Tjumen', 2008. 21 s. *In Russian*.
5. Andreev I. M. Pravoslavno-hristianskaja apologetika. Dzhordanvill': Tipografija prp. Iova Pochaevskogo, 1965. 93 s. *In Russian*.
6. Gobbs T. Levafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo / per. A. Gutermana. M. : Mysl', 2001. 478 s. *In Russian*.
7. Gurevich A. Ja. Kul'tura i obshhestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov. M. : Iskusstvo, 1989. 366 s. *In Russian*.
8. Ključevskij V. O. Pravoslavie v Rossii. M. : Mysl', 2000. 621 s. *In Russian*.
9. Medvedev A. A. Izobrazhenie posmertnyh chudes v svjatel'skikh zhitijah (na materiale zhitij mitropolitov Petra, Aleksija, Iony) // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2014. S. 151–157. *In Russian*.
10. Prihot'ko K., svjashh. Sravnitel'nyj analiz sostava uspenskogo i carskogo spiskov ijul'skoj chasti Velikih Minej-Chet'ih svjatel'ja Makarija i ijul'skoj Chet'i-Minei ieromonaha

Germana Tulupova. // Nauchnyj zhurnal Moskovskoj duhovnoj akademii. Slovo i obraz. 2019. T. 1. № 1. S. 86–96. *In Russian.*

11. Romodanovskaja E. K. Rasskazy sibirskih krest'jan o videnijah (K voprosu o specifike zhanra videnij) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 49. SPb. : Aletejja. 1996. S. 141–156. *In Russian.*

12. Ryzhenkov A., svjashh. Chudo: istoricheskij, literaturnyj i bogoslovskij aspekty (po materialam russkoj agiografii XVII veka) : dis. ... kand. bogoslovija; OCAD. M., 2022. 187 s. *In Russian.*

13. Sadykov P. D. Chudo v drevnerusskikh bogorodichnyh skazanijah skvoz' prizmu ih duhovnogo sodержanija // Hristianskoe chtenie. 2024. № 1. S. 255–262. *In Russian.*

14. Smirnova V. V. Chudo kak zhanroobrazujushhij jelement srednevekovyh religioznyh zhanrov (zhitie, primer, videnie) : dis. ... kandidata filol. nauk. M. : (MGU), 2006. 254 s. *In Russian.*

15. Starodumov I. V. Zhanrovaja specifika povestvovanij o posmertnyh chudesah svjatyh podvizhnikov v sostave drevnerusskoj agiografii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk; OmGU. Omsk, 2009. 20 s. *In Russian.*

16. Serman I. Chudo i ego mesto v istoricheskikh predanijah XVII–XVIII vekov // Russkaja literatura. 1995. № 2. S. 104–119. *In Russian.*

17. Florja B. N., Turilov A. A., Ivanov S. A. Sud'by kirillo-mefod'evskoj tradicii posle Kirilla i Mefodija. SPb. : Aletejja, 2000. 310 s. *In Russian.*